

КОНЦЕПТ-КОЛОРАТИВ ЖЁЛТЫЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА В. ЛИЧУТИНА: МНОГООБРАЗИЕ СМЫСЛОВ

М.В. Румянцева

Ключевые слова: концепт, колоратив, жёлтый, художественный концепт, художественная картина мира, В. Личутин

Keywords: concept, color designation, yellow, artistic concept, artistic picture of the world, V. Lichutin

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)3–10](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)3–10)

Введение

Лексико-семантическая группа колоративов (цветообозначений) находится под пристальным вниманием лингвистов-когнитологов и лингвокультурологов, так как цвет отражает эстетические, аксиологические и философские взгляды народа, его восприятие окружающего мира. Изучение алгоритма смыслопорождения через моделирование ментальных пространств метафорически переосмысленных колоративов является актуальным. Концепты-колоративы, на наш взгляд, можно отнести к интерпретирующим концептам, которые Н.Н. Болдырев определяет как «единицы нового знания, формируемые на основе интерпретации коллективных знаний о мире в рамках индивидуальной концептуальной системы отдельного человека» [Болдырев, 2007, с. 17–27]. Такие концепты являются художественными и образуют художественную картину мира писателя — мир бытия, «отражающий общество и природу в конкретно-чувственных мифопоэтических образах» [Полубояров, 2016, с. 7–11]. В этом контексте о концепте можно говорить как о «глубинном смысле, изначально максимально и абсолютно свернутой смысловой структуре текста, являющейся воплощением мотива, интенций автора, приведших к порождению текста» [Красных, 1998, с. 202].

В данной статье рассматриваются особенности функционирования концепта-колоратива *жёлтый* в художественном дискурсе В. Личутина, выявляются и анализируются его коннотации. Научная значимость работы состоит в расширении понимания дополнительных значений концепта-колоратива *жёлтый* в русской словесной культуре. Результаты исследования могут представлять практический интерес для молодых ученых, занимающихся вопросами лингвистики цвета и репре-

зентации концептов-колоративов в индивидуально-авторских картинах мира, а также для всех, кто интересуется проблемой цвета с точки зрения лингвокультурологии.

Научные исследования, в которых колоратив *жёлтый* является объектом изучения, разноплановы. В ходе анализа семантики древнейших праформ цветообозначений выявляются семантические универсалии и отличия их эволюции [Кожемякова, Исаев, Губанов, Петухова, 2023]; описываются словообразовательные модели создания цветообозначений [Перфилова, 2023]; изучаются процессы метонимии и метафоризации, основанные на цветообозначениях [Hamilton, 2016]. В трудах А.П. Василевича, В.Г. Кульпиной уточняется функциональная семантика колоратива, констатируются присущие ему значения [Василевич, 2016; Кульпина, 2001]. Лингвисты исследуют семантические [Чаплыгина, 2023] и ассоциативные [Шарейко, 2021] связи колоратива, в том числе в сопоставительном аспекте [Таныгина, 2024; Хаджи Мусаи, Мадаени Аввал, 2024]. Продуктивно используется цветонаименование при описании художественных средств языка писателей, например И. Бродского [Цегельник, 2007], А. Галича [Флоря, 2006]. Не прекращается поиск символических признаков колоратива в разных лингвокультурах (см. работы [Абрамова, 2020; Бояркина, 2023; Ойношев, Ойнош, 2024] и др.).

В научной литературе анализировались художественно-нравственные аспекты художественного мира В. Личутина [Ковтун, 1995], жанрово-стилистическое своеобразие его творчества [Плюхин, Дувакина, 2012], мифопоэтическая концептосфера писателя [Большакова, 2009]. Изучение концептов-колоративов на базе творчества В. Личутина не проводилось.

Цель нашего исследования заключается в описании номинативных связей концепта-колоратива *жёлтый* и выявлении многообразия его смыслов в художественной картине мира В. Личутина.

Методология и методы исследования

Исследование выполнено на материале художественных произведений нашего современника, русского писателя Владимира Личутина. Анализировались его повести и романы «Последний колдун», «Раскол», «Скитальцы», «Фармазон», «Река любви», «Миледи Ротман», «Беглец из рая», «В ожидании Бога».

Исследование осуществлялось посредством комплекса методов, среди которых метод концептуального анализа, представляющий собой синтез существующих методик, которые используются как инструментарий в лингвистике, литературоведении, культурологии (анализ

лексических средств выражения концепта, рассмотрение культурного и исторического контекста и др.); метод концептуального моделирования, позволяющий интерпретировать базовые семантические признаки в сознании носителей языковой картины мира. Оба метода нацелены на выявление более полных знаний и представлений (в том числе скрытых, ассоциативных), которые связывает воедино имя, номинирующее концепт. В качестве дополнительных использовались метод контекстологического анализа и описательный метод.

Результаты исследования

Анализ художественных произведений показал, что концепт-колоратив *жёлтый* является одной из идиостилевых доминант [Кухаренко, 1988, с. 13] в творчестве В. Личутина. Нами найдено 65 лексем и словосочетаний, входящих в номинативное поле концепта: имена прилагательные (*жёлт, жёлтый, жёлтенький, желтоватый, жёлтушный, жёлтоволосяй, темно-жёлтый, бледно-жёлтый, сизо-жёлтый, тускло-жёлтый, болезненно-жёлтый, латунно-жёлтый, рудо-жёлтый, мучнисто-жёлтый, луковично-жёлтый, шафранно-жёлтый, изжелта-белый, огненно-рыжий, охряно-рыжий, жёлудево-кофейный, золотой, рыжий, русский, шафранный, горчичный, медовый, лимонный, морошечный, ржаной, янтарный, ржавый, глиняный*), причастия (*зажелтевший, пожелтевший*), имя существительное (*желтизна*), глаголы (*желтеть, пожелтеть, зажелтеть, изжелтить, выжелтить, зажелтиться*), наречие (*изжелта*), описательные сравнения (*золотисто-жёлт; цвет луковой шелухи; цвет охры; цвет лукового отвара; цвет луковой водички; слабой лимонной желтизны; цвет болотной воды; жёлтый, как репа; жёлтый, как сливочное масло; жёлтый, как тепленное коровье масло; жёлтый, как лютик в поле; жёлтый, как зрелая морошка; жёлто-рыжий, как шкурка лисы-сиводушки; жёлтый, как цыпленок; жёлтый, как пчелиный воск; жёлтый, как брага; жёлтый с житним отливом; жёлтый, будто из старой березы рубленый; изжелта-бел, как изветренная скотская кость; мучнисто-жёлтый, словно посыпанный никотином; жёлтый, как тыква; жёлтое гуменцо; жёлтенькая, видом картонная шанежка*).

Этимологический анализ праславянских колоративов свидетельствует о том, что представление о цвете было тесно связано с различной степенью яркости и насыщенности света. Сначала это были названия «зрительно воспринимаемого признака поверхности предмета», затем его «окраски» и лишь значительно позднее — «цвета» [Кожемякова, Исаев, Губанов, Петухова, 2023, с. 2432–2436]. «Общеславян-

ские цветообозначения *žylťь, *zelenъ, *golQbъjь, развившие значения ‘жёлтый’, ‘зеленый’, ‘голубой’, восходят к индоевропейской базе *g'hel-: *ghel-: *ghol- ‘блестящий, сверкающий’ (др. — ирл. gel ‘сияющий, сверкающий’)» [Черных, 1999, с. 202]. Следовательно, колоративы *жёлтый*, *золотой*, *зеленый* и *голубой* имеют единый индоевропейский корень, главным компонентом семантики которого был не цвет, а свет (блеск, сияние, поток солнечных лучей).

Такая связь с солнечным светом могла обеспечить жёлтому цвету значение с постоянной положительной оценкой. Однако в процессе эволюции колоратив *жёлтый* приобретает амбивалентную семантику. Т.А. Турскова утверждает, что светло-жёлтый или золотисто-жёлтый цвет является символом солнца, веры, интеллекта и зрелой мудрости. Темные или тусклые оттенки жёлтого обозначают безумие, неверие, предательство, измену, скупость, скрытность, обман, коварство [Турскова, 2003, с. 213]. Колоратив *жёлтый* приобретает все больше отрицательных коннотаций, положительные значения остаются у лексемы *золотой* [Чаплыгина, 2023, с. 422–434].

Восприятие цвета отдельным человеком всегда субъективно, оно зависит от условий формирования личности и особенностей мировосприятия. Колоратив *жёлтый* в художественной картине мира В. Личутина служит средством создания художественной образности и средством выражения мировоззрения автора. Рассмотрим, какие смыслы приобретает жёлтый цвет в художественных произведениях писателя.

Цвет природных объектов. Колоратив *жёлтый* в исследуемых текстах выполняет свое прямое назначение — участвует в колористическом описании окружающего мира. Прежде всего это цвет солнечных лучей. В этом контексте *жёлтый* имеет положительное оценочное значение. Так, например, при описании цвета подсвеченных солнцем облаков на ясном небе автор прибегает к образному сравнению с агентом-зоонимом «цыплята», который вызывает у читателя только положительные ассоциации: <...> *небо с редкими недвижимыми клочьями желтоватого пуха. Словно цыплята выбрались из-под прикрова материкурицы и разбрелись по небесной траве-мураве, захлебнувшись неведомой прежде свободой* («В ожидании Бога»)¹.

Если жёлтый цвет сосуществует в структуре текста с голубым, то текст приобретает яркую положительную тональность: *Жёлтое и голубое смешались разом с потоками небесного света и ослепили* <...> *Го-*

¹ Здесь и далее в скобках приводятся названия произведений В.В. Личутина разных лет (см. список Источников).

споди, до чего же красиво, как чувственно и празднично обрядилась напоследях истомившаяся в родинах Земля («В ожидании Бога»). Вся земля похорошела, стало жёлто-голубой. Христос любовно озирает Русь, радуясь воскрешению («Раскол: Крестный путь»). Наличие эмотивов (красиво, чувственно, празднично, любовно, радуясь) создает настроение праздника и торжественности момента. Иногда такой цветовой тандем выражает противоположные чувства (грусть и радость), но не снижает торжественности и возвышенности эмоций контекста: *Глаза слепит от солнца в голубом небе и золота, щедро рассыпанного под ногами. Боже мой, как неожиданно грустно, до слезы, и вместе с тем как радостно, торжественно сердцу, будто омыли живой водой* («В ожидании Бога»). Сочетание голубого и желтого в облике человека (глаза и волосы) тоже создает красоту образа, например, *голубоглазое дитя с ржаными волосёнками* («Беглец из рая»); *скромная, стеснительная девочка, голубоглазая, с русыми косами до пояса* («Беглец из рая»); *желтоволосая голубоглазая красавица Тина* («Скитальцы»), потому что, по В. Личутину, человек создан по образу и подобию божьему: *У каждого христианина Христос свой. У русских он голубоглазый и русский* («В ожидании Бога»).

Колоратив описывает объекты природы жёлтого цвета (землю, воду, цветы, ягоды): *Мелкая вода в Курье, кроткая и жёлтая, как брага* («Скитальцы»). *Тонкий дымок оседает по ляговинам, жёлтым от зверобоя и каравайника* («В ожидании Бога»). *По заречным цветущим лугам, солнечно-жёлтым от лютика, волочились неотвязные тени от белояровых облаков* («Река любви»). В этом контексте он имеет нейтральную стилистическую нагрузку.

Гораздо шире спектр отрицательных коннотаций колоратива *жёлтый* в произведениях В. Личутина. Рассмотрим их.

Нижний мир и нечистая сила. Жёлтый цвет в художественной картине мира писателя соотносится с зоной «низ», о чем свидетельствуют проклемы *проран, провал, бездна, зев*, зоонимы, номинирующие хтонических животных или отрицательных сказочных существ: *Карбас неудержимо несло в проран, в жёлтый зев кипящей бездны, где схватывались тягостно и страшно хвостатые чудища* («Фармазон»). В Личутин использует колоратив *жёлтый* при описании мифологических существ низшего порядка, номинируемых демонами *дьявол, ведьма, домовый, леший (лешачиха), девки-марухи, черти и бесы*: *И вдруг я оказался в другой стране <...> в городе жёлтого дьявола* («В ожидании Бога»). В данном примере находим аллюзию на очерк М. Горького «Город жёлтого дьявола», где описан Нью-Йорк, жители которого поклоняются золоту («жёлтому дьяволу»). По В. Личутину, одним из при-

знаков присутствия нечистой силы является наличие дыма. У человека, одержимого нечистой силой, дымится и искрит взгляд: *Взгляд Люси, казалось, дымился, и на дне озеночков проскакивали бешеные жёлтые искры* («Миледи Ротман»). Нечистая сила проникает в дом и покидает его через дымовую трубу, из которой при этом идет желтый дым: *Жёлтый шлейф протянулся по чёрному склону и замер над дымоходом: будто нечисть какая-то помчалась на ведьмин шабаш* («В ожидании Бога»). Жёлтый цвет дыму придает скопление людских грехов и болезней, от которых человек избавляется в русской бане: *Жёлтый зыбкий облак раскачивался над баенкой — то скапливались, покинув намытое тело, душевные нечистоты, проказа и хворь, чтоб после отплыть и осесть в подмосковных дремах и распадах у бесовских скрытен, где лешахи будут ткать из грешной ряднины себе чертовы портища* («Раскол: Крестный путь»). Жёлтым цветом автор раскрашивает демонические места, какими для славян всегда были лес, болото, водоемы (чужое пространство): *Жёлтое лиственный облако свилось в жгут, хвостом полоснуло по стеклине и полетело дальше <...> Такое тут демоническое место, что всё чудится, мерещится, вадит и водит: не иначе ещё исстари тут завелись блудные лешевы и озёрные девки-марухи* («В ожидании Бога»). Жёлтый цвет присущ духам дома. Писатель изображает домового с жёлтыми глазами: *В дальнем сумеречном углу кто-то мохнатый, с бородою до пола, — наверное, доможирко, — поблескивает жёлтыми глазёнками* («Последний колдун»). Жёлтый глаз становится способом имплицитного указания на присутствие нечистого духа, приносящего людям смерть и страдание: *Донат часто оборачивался с тоскою на парящий провал, издали так похожий на черного распластанного паука с жёлтым расплывчатым глазом* («Скитальцы»). Жёлтое растёкшееся туманное пятно с оранжевым зрачком посередине походило на чье-то живое одноглазое лицо. Земля поманила его холодным перстом, обещая покой, но Крень отшатнулся от холодной тишины, не готовый к смерти («Фармазон»). Наличие одного глаза является приметой демонологического персонажа русских сказок Лиха Одноглазого. Существует и другой демон с жёлтыми глазами, один из самых злых дворовых духов славянской мифологии — овинник², который в народном представлении похож на черного кота: *Что-то назойливо отвлекало мысль Тяпучева, расслабляло его, казалось, что жёлтый кошачий глаз урюмо наблюдает из укрытия за каждым движением* («Фармазон»).

² Самойлова А. Известные и малоизвестные мифические существа мира. Электронный ресурс <https://fishki.net/1469532-izvestnye-i-maloizvestnye-mificheskie-suwestva-mira.html>

Таким образом, колоратив *жёлтый* в анализируемых текстах соотносится с зоной «низ» и становится символом нечистой силы, которую представляют демоны, управляющие людскими пороками, черти, бесы, природные и домашние духи.

Чужой. Колоратив *жёлтый* служит В. Личутину способом распознавания «чужого» среди «своих» в этногенетической бинарной оппозиции. Прежде всего обнаруживается ассоциация жёлтого с Китаем. Китайцы распознаются по жёлтому цвету глаз: *Сказывают, что до крепости Грустин, что в Лукоморье на горах за Обью-рекой, приходят с торговлей чёрные люди от Китайского озера. Глаза жёлтые, серпом, а обличьем — головешки* («Скитальцы»). Жёлтый цвет во внешности человека — это повод для литературного героя В. Личутина принять собственную жену за чужестранку: *Жена Нюра <...> лицо нынче вовсе жёлтое <...> глаза шафранного отлива, и показалась она издали наезжей туземкой* («Последний колдун»). Несоответствие физической внешности «чужих» нормам «своих» включает процесс делигитимизации, при котором «чужие» рассматриваются как негативные социальные категории. Если же у «чужих» обнаруживается наличие неприемлемых для «своих» норм и ценностей поведения, то «чужие» переводятся в категорию «врагов»: *<...> гнилой запад, где по окоёму, по-над самой землею громоздились гористые тучи, а по склонам их стекали рудо-жёлтые сполохи, брызжащие искрами, — то ярило закатывалось в погибельную сторону* («Раскол: Крестный путь»). Использование метафорического выражения «гнилой запад» транслирует настороженно-скептическое отношение В. Личутина к западным идеям и ценностям, а лексемы *закатываться, погибельная сторона* передают мнение автора о западе как об обществе, дошедшем до стадии морального разложения. Таким образом, за колоративом *жёлтый* в творчестве писателя закрепляется значение «чужой», представляющий опасность.

Непристойность поведения. В морально-этических оценках литературных героев В. Личутин использует жёлтый цвет для осуждения непристойности поведения. В этом усматривается влияние русской фольклорной традиции, где колоратив *жёлтый* является символом ревности, измены, предательства [Хаджи Мусаи, Мадаени Аввал, 2024, с. 422–434; Абрамова, 2020, С. 6–18]. В свою очередь, фольклорная традиция испытывает влияние христианской картины мира, где известные предатели — Каин и Иуда — изображаются с жёлтыми бородами [Цегельник, 2007, с. 166–170]. Особенно неприемлемы оттенки жёлтого в свадебном наряде. Осуждение этому слышим из уст героини романа в форме эпитетов *бесстыжая, купальница-замануха, профурсет-*

ка, относящихся к невесте, и прямого высказывания стереотипа, что жёлтый цвет — к измене: *Миледи была, как речная бобошка, та самая купальница-замануха, что чарует всякий незаскорузлый взгляд. На ней всё было слабой лимонной желтизны — от фаты на огненно-рыжих волосах до прозрачного платья с пелеринкой. «Бесстыжая... Разоделась, профурсетка. Того не знает, что жёлтый цвет к измене»* («Миледи Ротман»). Автор также осуждает поведение одинокой женщины в отношении женатого мужчины, чувства и поступки которой репрезентированы лексемами *ревниво, зазывала, заманивает, разохотилась* и изображены на жёлтом фоне, как бы обличаемые, высвечиваемые солнцем: *<...> ревниво спросила, словно зазывала мужика. А утро жёлтое, всё высвеченное солнцем. Подумалось: заманивает баба, ишь разохотилась* («Скитальцы»). Жёлтый цвет у В. Личутина соотносится с низкопробностью речевого поведения средств массовой информации и некоторых представителей русского политического истеблишмента 90-х годов: *Я удержался от уличного жаргона, на котором изъясняются жёлтые газеты, телевидение и кремлевская тусовка* («Беглец из рая»). Таким образом, автор интуитивно прибегает к колоративу *жёлтый*, когда хочет выразить непристойность, подлость, низкопробность поведения отдельных индивидов или СМИ в обществе.

Непривлекательность. Жёлтый используется писателем в качестве негативной колористической характеристики со значением «непривлекательность». В этом цвете изображаются женщины, если они утратили свою свежесть: *Жалкая, вдруг подурневшая, с треугольником морщин на сдвинутом в грудку лбе, она была похожа на луговую жёлтую бобошку, попавшую под хлесткий ливень* («Миледи Ротман»). Жёлтый оттенок приобретает кожа долго постящихся людей: *Тихо возгоралась вечерняя заря. Лимонный блеск её выжелтил щёку боярыни в постный скопческий цвет* («Раскол: Крестный путь»). В этом же цвете писатель изображает деревенских женщин, мало уделяющих внимание своему внешнему виду: *Толстая бабеня <...> у неё были жёлтые, как сливочное масло, руки с пухлыми запястьями* («Миледи Ротман»). Жёлтым может быть названо то, что потеряло свою естественную окраску, например, волосы: *Уткина ждал переходный возраст из снежно-белого в мучнисто-жёлтый, когда шерсть на висках словно бы посыплет никотином* («Миледи Ротман»). Также в неприглядном жёлтом цвете изображается то, что перестало быть ярким, потускнело, загрязнилось. Это относится как к природным объектам, так и к внешности людей: *Ещё и льды на березине разлеглись, как грязные, жёлто-белые коровы* («Миледи Ротман»). «Ой, дура, ты дура», — беззлобно подумал Радюшкин. И вся-то жен-

щина была жёлудево-кофейного цвета, словно бы её изрядно окунали в охру, а после плохо помыли («Последний колдун»). И наконец, жёлтыми видятся писателю лица, которые явно некрасивы и даже уродливы. В этом случае автор достигает экспрессивности употреблением сложных, нестандартных эпитетов (*тяжелое, глиняное лицо*) или стилистически сниженной лексики (*рожа*): *У Никона было изжелта-серое, тяжёлое, какое-то глиняное лицо* («Раскол: Крестный путь»). *<...> рожа жёлтая, кривая, будто клюковкой объелся дьякон* («Раскол: Крестный путь»). Так, используя оттенки жёлтого цвета, автор добивается точности портретов своих героев и их отрицательных характеристик.

Болезнь. В работах, посвященных исследованию цвета, отмечается, что жёлтый во многих лингвокультурах связан с семей «болезнь» [Абазова, Абазов, Бориева, 2016, с. 56–58]. Вероятно, в русской языковой культуре сказывается влияние мифологической картины мира с мифом о двенадцати лихорадках, одну из которых звали Желтыня (или Желтея). Творчество В. Личутина не стало исключением. Автор сопровождаёт «раскрашивание» своих героев в жёлтый цвет уточняющими морбонимами или указывает на заболевание определенного органа: *<...> костяное лицо, омытое луковой водичкой, скорее шафранного цвета, какое бывает у переболевших печенью* («Фармазон»). Жёлтый цвет кожных покровов часто сопровождает болезни желудочно-кишечного тракта или почек. Писатель, не вникая в медицинские подробности, называет все эти болезни *черевным недугом*: *<...> на упругих щеках лимонная желтизна и в обочьях паутина ржавчины <...> эта рыхлость подглазий намекает на близкий черевный недуг* («Раскол: Венчание на царство»). Причиной жёлтой кожи может быть тяжелая продолжительная болезнь: *Пожелтела Тайка, как лютик в поле, как морошка зрелая на болотной кочке. Тело нынче жёлтое, как топленое коровье масло* («Скитальцы»). *И вот лежит муж богоданный на кровати, лицом изжелта-бел, как изветренная скотская кость, руки жёлтые, вялые* («Скитальцы»). Жёлтый цвет у писателя является признаком алкогольной зависимости: *По испитому, зажелтевшему лицу редко-редко пробежала тень тревоги* («Скитальцы»). Примечательно, что колоратив жёлтый и в XXI веке продолжает использоваться в качестве эвфемизма для обозначения психиатрической больницы: *Жёлтый дом, неожиданно выныривая из распада, походил на чужеземный корабль, приземлившийся однажды с небес. <...> В жёлтом доме», как нигде на миру, черти борются с ангелами, и никоторый не одолеет* («В ожидании Бога»). Так жёлтый цвет в творчестве писателя становится символом заболеваний как физических, так и душевных, а также различного рода зависимостей.

Старость. Жёлтый цвет ассоциируется у В. Личутина со старостью, о чем в примерах свидетельствуют лексемы *старость*, *старик*, *старичишка*, *по-стариковски*: *Скользнул глазами по зеркалу с надеждой увидеть прежнего себя, дородного, щекастого, но встретился с ушастым жёлтым старичишкой* («Фармазон»). Одним из признаков приближения старости является изменение цвета волос. Автор в словесный портрет седого человека добавляет желтизны различных оттенков (с легкой желтизной, седые изжелта, странной желтизны с зеленоватым оттенком): *Старик сидел прямо, торжественно <...> виски впалые, с легкой желтизною* («Миледи Ротман»). *Седые изжелта косицы волос неряшливо, по-стариковски падали на высокий ворот кафтана* («Раскол: Крестный путь»). *Старость припустила на впалые виски и к ушам какой-то странной желтизны с зеленоватым оттенком* («Беглец из рая»). Наряду с процессом изменения цвета волос признаком старости личутинских героев мужского пола становится процесс облысения. Фантазия автора в образном представлении жёлтого цвета проплешин и залысин просто безгранична. Это и *жёлтое темечко тыквой*, *жёлтое гуменцо*, *жёлтенькая плешка*, *видом картовная шанежка* и пр. Совсем лысая голова сравнима с жёлтой репкой: *Голова Поликушки виднелась желтоватой присморщенной репкой* («Беглец из рая»). О почтенной старости наряду с колоративом *жёлтый* говорят эпитеты *мелкотрясующийся* (о руках), *дряблый* (о коже рук): *<...> не выпускал образ Богородицы из мелкотрясующихся жёлтых пальцев с дряблой отставившей кожей* («Раскол: Венчание на царство»). Глубокая старость репрезентируется словосочетаниями *мощи*, *призрак*, *жёлтая сморщенная кожа*: *На кровати доживали мощи, оставалась лишь печальная тень от бывлой горячей женщины, чудился только странный жуткий призрак, покрытый жёлтой сморщенной кожей* («Последний колдун»). Таким образом, называя оттенки частей тела, *жёлтый*, усиливаемый своими атрибутивными связями, реализует сему «старость».

Смерть. В произведениях В. Личутина жёлтый цвет является символом смерти. Символика предвестника или признака смерти свойственна колоративу *жёлтый* в фольклоре. В «Словаре древностей» читаем, что в славянских поверьях смерть предвещают, например, появление желтого пятна на руке, встреча первой бабочки жёлтого цвета по весне и др. [Славянские древности, 1995, с. 202]. В русских фольклорных текстах колоратив *жёлтый* участвует в репрезентации мифопоэтического образа «сыра земля» и реализует мотив погребения. Так, в сказке Алёнушка говорит братцу с того света: *Тяжёл камень на дно тянет, / Шёлкова трава ноги спутала, / Жёлты пески на груди легли* («Сестрица

Алёнушка и братец Иванушка»). У В. Личутина находим образ жёлтого солнца, которое во время похорон вместе с родственниками прощается с усопшим, окутывая его своими лучами: *Косматое жёлтое солнце заглядывало в гроб, прощалось с Зулусом, закручивало его в невидимые пелёны, будто в кокон* («Беглец из рая»). В следующем примере предвестником смерти выступает жёлтый квадрат с проступающим в нем равнодушным лицом, кажется, что сама смерть досматривает за умирающим человеком: *Порой проступало чьё-то равнодушное лицо в жёлтом квадрате и пропадало: словно бы навещал досмотрщик, с нетерпением ждущий его смерти* («Последний колдун»). При описании покойников автор использует оттенки жёлтого цвета: *В полдень на плечах пронесли на кладбище Славку. У него было острое жёлтое лицо* («Беглец из рая»). <...> *нос покойника походил на шафранно-жёлтый клюв тундрового сокола* («Раскол: Крестный путь»). *Облобызал лимонной желтизны тонкие персты покоенки* («Раскол: Вознесение»). Иногда мотив смерти транслируется писателем имплицитно. При этом используются лексемы, номинирующие предметы или объекты, влекущие за собой смерть (*ядовитое облако, атомный гриб*): *Ядовитое жёлтое облако в моём окне похоже на атомный гриб — это моё московское небо* («Беглец из рая»).

Колоратив *жёлтый* является символом умирания не только людей, но и объектов природы (осенью умирает почти весь растительный мир): *Сверху бусил мелкий холодный дождишко, окрашивая тёмным гляncем жёлтые косицы берёз и поникшие от влаги ивняки, уже тронутые смертным тленом* («Миледи Ротман»). Отслужившие свой срок, распадающиеся в прах предметы тоже приобретают жёлтый цвет: <...> *более тысячи книг, со страницами, тронутыми по кромке шафранно-жёлтым пожаром* («Раскол: Крестный путь»). Так, колоратив *жёлтый* помогает писателю актуализировать мотив бренности живой и неживой природы.

Заключение

Проведенный анализ номинативных связей концепта-колоратива *жёлтый* позволил выявить широкий спектр его дополнительных смыслов. В художественной картине мира В. Личутина исследуемый концепт наряду со значением «цвет природных объектов» закрепляет за собой пространственно обусловленную коннотацию «низ», которая противоречит его глубинной этимологии «поток света». Сема «низ» в индивидуально-авторской картине мира писателя тесно соотносится с другими коннотациями *жёлтого* — «нечистая сила», «чужой», «непристойное поведение», «непривлекательность», «болезнь», «старость»

и «смерть». Таким образом, колоратив *жёлтый* в творчестве писателя наряду с прямой функцией цветообозначения приобретает образно-символические и эмоционально-оценочные коннотации. *Жёлтый* становится символом нечистой силы, которую представляют демоны, управляющие людскими пороками, символом физических и душевных заболеваний и зависимостей. Благодаря своим атрибутивным связям этот цвет актуализирует мотив старости и бренности всего сущего на земле. Он также служит писателю способом распознавания «чужого» среди «своих», маркером непристойности, низкопробности поведения в социуме, средством создания отрицательных характеристик своих литературных героев.

Исследование концептов-колоративов является перспективным направлением лингвокультурологии, так как позволяет обнаружить множество смыслообразующих пластов в индивидуально-авторской картине мира писателя, подверженной, в свою очередь, влиянию базовых ценностей национальной культуры. Смысловая многозначность исследуемого концепта может быть объяснена естественной эволюцией русской языковой картины мира, свое влияние на которую оказывают своеобразие природного ландшафта, мифологические взгляды, религиозные верования и весь уникальный общественно-исторический опыт нашего народа.

Библиографический список

Абазова К.В., Абазов З.В., Бориева М.К. Желтый цвет как признак болезни, старости, увядания в английской и русской лингвокультурах // Казанская наука. 2016. № 4. С. 56–58.

Абрамова В.И. Символика цвета в русской вербальной культуре // Образование — лингвистика — коммуникация: современные тенденции и перспективы развития: Всероссийская научно-практическая конференция: сб. ст. Новомосковск: Новомосковский институт РХТУ им. Д.И. Менделеева, 2020. С. 6–8.

Болдырев Н.Н. Интерпретация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 17–27.

Большакова А.Ю. Автор и герой в концептосфере Владимира Личутина. Статья первая // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2009. № 2. С. 6–18.

Бояркина А.А. Специфика отображения символики жёлтого цвета посредством английских и немецких существительных в текстах онлайн-СМИ // Вестник Удмуртского университета. Серия: Исто-

рия и филология. 2023. Т. 33. № 6. С. 1443–1449. <https://www.doi.org/10.35634/2412-9534-2023-33-6-1443-1449>.

Василевич А.П. Этимология цветообозначений как зеркало национально-культурного сознания // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ. М.: КомКнига, 2016. 320 с.

Ковтун Н.В. Художественный мир В. Личутина (религиозно-нравственные аспекты): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1995. 28 с.

Кожемякова Е.А. Исаев Ю.Н., Губанов А.Р., Петухова М.Е. Семантические универсалии в эволюции цветообозначений общеславянского и пратюркского языков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 8. С. 2432–2436.

Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Коммуникация. М.: Диалог-МГУ, 1998. 352 с.

Кульпина В.Г. Лингвистика цвета: Термины цвета в русском и польском языках. М.: Московский Лицей, 2001. 470 с.

Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1988. 191 с.

Ойношев В.П., Ойнош С.В. Цветовая символика в традиционной культуре алтайцев // Алтаистика. 2024. № 1 (12). С. 71–78. <https://www.doi.org/10.25587/2782-6627-2024-1-71-78>.

Перфилова М. Н. Словообразование архаичных цветообозначений в русском языке // Art Logos (искусство слова). 2023. № 4. С. 178–202. https://www.doi.org/10.352 31/25419803_2023_4_178.

Плюхин В.И., Дувакина Н.М. Жанрово-стилистическое своеобразие творчества В. Личутина (по произведениям «Скитальцы», «Раскол») в контексте русской прозы Европейского Севера // МИР НАУКИ, культуры, образования. 2012. № 3. С. 130–133.

Полубояров Д. И. Художественная картина мира // Культура. Духовность. Общество. 2016. № 22. С. 7–11.

Самойлова А. Известные и малоизвестные мифические существа мира. Электронный ресурс <https://fishki.net/1469532-izvestnye-i-maloizvestnye-mificheskie-suwestva-mira.html>

Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 1 / под ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Электронный ресурс <https://archive.org/details/slavyanskiedrevnostikn141993g/page/n687/mode/2up?view=theater>

Таныгина Е.А. Образ жёлтого цвета в сознании представителей современной русской и кыргызской культуры // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2024. № 2 (81). С. 74–83. <https://www.doi.org/10.26456/vtfilol/2024.2.074>.

Турскова Т.А. Новый справочник символов и знаков. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003. 798 с.

Флоря А.В. Жёлтый цвет в поэзии А.А. Галича 1960–1970-х годов // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 23. С. 125–131.

Хаджи Мусаи С.А., Мадаени Аввал А. Колоратив «жёлтый» во фразеологической картине мира русского и персидского языков: аксиологический аспект // Филология: научные исследования. 2024. № 1. С. 63–73. <https://www.doi.org/10.7256/2454-0749.2024.1.69563>.

Цегельник И.Е. Жёлтый: цвет и свет в картине мира Иосифа Бродского // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2007. № 1 (32). С. 166–170.

Чаплыгина Ю.А. Семантика лексем *жёлтый* и *золотой* в курских частушках // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2023. № 4 (51). С. 422–434.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 1. М.: Изд. «Русский язык», 1999. 624 с.

Шарейко А.А. Жёлтый цвет в ассоциациях носителей славянских языков // Русский язык: система и функционирование. К 100-летию Белорусского государственного университета: материалы IX Международной научной конференции, Минск, 19–20 октября 2021 года. Минск: Белорусский государственный университет, 2021. С. 188–192.

Hamilton R. Colour in English: From Metonymy to Metaphor: Thesis. Glasgow, 2016. 230 p. Электронный ресурс <http://theses.gla.ac.uk/7353/>

Список источников

Личутин В. В. Беглец из рая: роман. М.: Вече, 2017. 640 с.

Личутин В. В. В ожидании Бога: роман. М.: Вече, 2017. 752 с.

Личутин В. В. Миледи Ротман. М.: ИТРК, 2001. 416 с.

Личутин В. В. Последний колдун. М.: ИТРК, 2008. 688 с.

Личутин В. В. Раскол: Роман в 3-х кн. Кн. I. Венчание на царство. М.: Издательство ИТРК, 2008. 448 с.

Личутин В. В. Раскол: Роман в 3-х кн. Кн. II. Крестный путь. М.: Изд-во «Информпечать» ИТРК РСПП, 2000. 736 с.

Личутин В. В. Река любви. Москва: ИТРК, 2010. 344 с.

Личутин В. В. Скитальцы: исторический роман. Москва: ИТРК, 2003. 848 с.

Личутин В. В. Фармазон: Роман-хроника. М.: Вече, 1994. 575 с.

References

Abazova K.V., Abazov Z.V., Borieva M.K. Yellow color as a sign of illness, old age, wilting in English and Russian linguistic cultures. *Kazanskaya nauka* = Kazan science, 2016, no. 4. pp. 56–58. (In Russian).

Abramova V.I. Symbolism of color in Russian verbal culture. *Obrazovanie — lingvistika — kommunikatsiya: sovremennye tendentsii i perspektivy razvitiya* = Education — linguistics — communication: current trends and development prospects, Novomoskovsk, 2020, pp. 6–18. (In Russian).

Boldyrev N.N. Interpretation of knowledge in the language system. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* = Issues of Cognitive Linguistics, 2007, no. 4, pp. 20–21. (In Russian).

Bolshakova A.Yu. Author and hero in the concept sphere of Vladimir Lichutin. Pt. 1. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova. Filologicheskie nauki* = Bulletin of the Moscow State University for the Humanities named after M.A. Sholokhov, 2009, no. 2, pp. 6–18. (In Russian).

Boyarkina A.A. Specifics of displaying yellow symbols through English and German nouns in online media text. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* = Bulletin of Udmurt University, 2023, no. (33) 6, pp. 1443–1449. <https://www.doi.org/10.35634/2412-9534-2023-33-6-1443-1449>. (In Russian).

Vasilevich A.P. Etymology of color designations as a mirror of national-cultural consciousness. In *Names of color in Indo-European. languages: Systemic and historical analysis*, Moscow, 2016. 320 pp. (In Russian).

Kovtun N.V. Artistic world of V. Lichutin (religious and moral aspects). Abstract of Philol. Cand. Diss. St. Petersburg, 1995. (In Russian).

Kozhemyakova E.A., Isaev Yu.N., Gubanov A.R., Petukhova M.E. Semantic universals in the evolution of color designations of the common Slavic and Praturk languages. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philological sciences. Issues of theory and practice, 2023, no. 16(8), pp. 2432–2436. (In Russian).

Krasnykh V.V. Virtual reality or real virtuality? Man. Consciousness. Communication. Moscow, 1998, 352 pp. (In Russian).

Kulpina V.G. Linguistics of color: Color terms in Russian and Polish, Moscow, 2001, 470 pp. (In Russian).

Kukhareno V.A. Interpretation of the text, Moscow, 1988, 191 pp. (In Russian).

Oinoshev V.P., Oinosh S.V. Color symbolism in the traditional culture of Altai people. *Altaistika* = Altaistika, 2024, no. 1(12), pp. 71–78. <https://www.doi.org/10.25587/2782-6627-2024-1-71-78>. (In Russian).

Perfilova M.N. Word formation of archaic color designations in Russian. *Art Logos (iskusstvo slova)* = Art Logos, 2023, no. 4, pp. 178–202. https://www.doi.org/10.35231/25419803_2023_4_178. (In Russian).

Plyukhin V.I., Duvakina N.M. The genre-stylistic originality of V.Lichutin's work (based on the works «Wanderers», «Split») in the context of Russian prose of the European North. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* = World of Science, Culture, Education, 2012, no. 3, pp. 130–133. (In Russian).

Poluboyarov D.I. Artistic picture of the world. *Kul'tura. Dukhovnost'. Obshchestvo* = Culture. Spirituality, 2016, no. 22, pp. 7–11. (In Russian).

Samoilova A. Famous and little-known mythical creatures of the world. Retrieved from <https://fishki.net/1469532-izvestnye-i-maloizvestnye-mificheskie-suwestva-mira.html>. (In Russian).

Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary, vols 1–4, Moscow, 1995. Retrieved from: <https://archive.org/details/slavyanskiedrevnostikn141993g/page/n687/mode/2up?view=theater>. (In Russian).

Tanygina E.A. The image of yellow in the minds of representatives of modern Russian and Kyrgyz culture. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Tver State University, 2024, no. 2(81), pp. 74–83. <https://www.doi.org/10.26456/vtfilol/2024.2.074>. (In Russian).

Turskova T.A. New directory of symbols and signs, Moscow, 2003, 798 pp. (In Russian).

Florya A.V. Yellow color in the poetry of A.A. Galich 1960s–1970s. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Chelyabinsk State University, 2008, no. 23, pp. 125–131. (In Russian).

Haji Musai S.A., Madaeni Avval A. Kolorativ «yellow» in the phraseological picture of the world of Russian and Persian languages: axiological aspect. *Filologiya: nauchnye issledovaniya* = Philology: scientific research, 2024, no. 1, pp. 63–73. <https://www.doi.org/10.7256/2454-0749.2024.1.69563>. (In Russian).

Tsegelnik I.E. Yellow: color and light in the picture of the world of Joseph Brodsky. *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki* = Humanities and socio-economic sciences, 2007, no. 1(32), pp. 166–170. (In Russian).

Chaplygina Yu.A. Semantics of yellow and gold lexemes in Kursk ditties. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* = Theory of language and intercultural communication, 2023, no. 4(51), pp. 422–434. (In Russian).

Chernykh P.Ya. Historical and etymological dictionary of the modern Russian language, vol. 1, Moscow, 1999, 624 pp. (In Russian).

Shareiko A.A. Yellow color in associations of native speakers of Slavic languages. *Russkiy yazyk: sistema i funktsionirovanie. K 100-letiyu Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta* = Russian language: system and

functioning. To the 100th anniversary of the Belarusian State University. Minsk, 2021, pp. 188–192. (In Russian).

Hamilton R. Colour in English: From Metonymy to Metaphor: Thesis. Glasgow, 2016. Retrieved from: <http://theses.gla.ac.uk/7353/>

List of Sources

- Lichutin V.V. Fugitive from Paradise: a novel, Moscow, 2017, 640 p.
Lichutin V.V. Waiting for God: a novel, Moscow, 2017, 752 p.
Lichutin V.V. Milady Rothman, Moscow, 2001, 416 p.
Lichutin V.V. The Last Sorcerer, Moscow, 2008, 688 p.
Lichutin V.V. Schism: a novel, books I; The coronation, Moscow, 2008, 448 p.
Lichutin V.V. Schism: a novel, book II: The Way of the Cross, Moscow, 2000, 736 p.
Lichutin V.V. River of Love, Moscow, 2010, 344 p.
Lichutin V.V. Wanderers: a historical novel, Moscow, 2003, 848 p.
Lichutin V.V. Freemason: A Chronicle Novel, Moscow, 1994, 575 p.